

МИХАИЛ УЛЬЯНОВ ЧИТАЕТ «ТИХИЙ ДОН»

ПОСЛЕДНЕЕ время Михаила Александровича Ульянова повсюду видели с машинописным текстом «Тихого Дона». Сценарий своеобразного радиоспектакля в жанре «театра одного актера» он носил с собою повсюду: в театр, на съемочную площадку киностудии, на телестудию. Работа над воплощением «Тихого Дона» в звучащем слове, казалось, поглотила его целиком, стала основной магистралью творчества...

В «золотом фонде» Всесоюзного радио хранятся и остаются вечно живыми уникальные по художественному воплощению записи шолоховских творений в исполнении выдающихся мастеров актерского искусства. Лучшие из них — главы из четвертой книги «Тихого Дона» в исполнении Дмитрия Николаевича Орлова, рассказ «Судьба человека», который читает Сергей Владимирович Лукьянов, и главы из романа «Они сражались за Родину», исполненные Борисом Андреевичем Бабочкиным. Эти работы принадлежат актерам, не только искусно владеющим исполнительским мастерством, но и тем чувством первородства, народности, которому нельзя научить и которое нельзя сыграть. С этим надо родиться, суметь сохранить и развить в себе.

Задумав двенадцатисерийный цикл радиопередач по «Тихому Дону» (шесть часов в эфире!), режиссер Борис Дубинин и литературный редактор Любовь Юнина предложили читать шолоховские главы Михаилу Ульянову. Больше всех сомневался в точности режиссерского выбора сам актер. Крайне требовательный к себе, Ульянов работал тщательно, подолгу, стараясь вместе с режиссером вскрыть все богатство шолоховского письма.

Режиссер усложнил задачу актера. Он смело и неожиданно ввел в текст Шолохова не только донские песни в испол-

нении жителей донского хутора Мрыковского и фольклорного ансамбля народной песни Союза композиторов РСФСР под руководством Дмитрия Покровского, но и музыку Дмитрия Шостаковича. Да, мы знаем, что Шостакович писал музыку на темы шолоховских произведений, да, он любит творчество этого писателя, но в чтецкой программе, в радиопередаче столь сложная полифония шолоховского слова, народной песни и симфонической музыки требовала и от актера, и от режиссера, и от музыкального редактора Риты Браславской безупречного вкуса, художественного чутья и чувства меры. Всякая, как угодно талантливая, стилизация — враг подлинной народности, пронизывающей каждое слово и каждую мысль «Тихого Дона».

Единство было достигнуто. Обогащенное завидной художественной индивидуальностью Михаила Ульянова, давно знакомое воспринимается вновь. Ульянов, влюбленный в людей и природу Дона, в их быт и праздники, неподдельно разделяющий радости их и печали, создает особый, доверительный образ рассказчика. Нет сомнения, что этот человек сам видел и пережил все, о чем повествует. Больше того, сейчас, во время рассказа своего, он заново переживает все это, добиваясь эффекта «перенесения» слушателей в мир героев Шолохова, в бесхитростную и вместе с тем психологически сложную жизнь семьи Мелеховых и их соседей по хутору. Актер вскрывает неповторимо индивидуальную романтику Шолохова. При чтении текста глазами не всякий читатель ее и обнаружит. «Дуняшка нехотя, бочком, подвинулась к дверям» — фраза простая, почти информационная звучит у М. Ульянова поэтично: он особенно, «с ветерком» произносит звук «х» в слове «нехотя», и вдруг ощущаешь легкость и изящество девичьего движения.

Поэтика Шолохова, богатейшая инструментовка его фразы не ускользает от пристального внимания актера. Он да-

Народный артист СССР, лауреат Ленинской премии М. А. УЛЬЯНОВ в радиостудии во время чтения «Тихого Дона».

рит слушателю и ритмы дождя, и ощущение воды — мутного течения взбаламученного дождем Дона. Не гонясь за этнографическими подробностями донского говора, Ульянов передает мелодику его — самое главное и самое трудное. Музыка оказалась бы чужеродной в этом произведении, если бы артист не использовал богатство голосовых тембров. Они выбраны точно и выдержаны до конца: особый тембр у эпизодов, в которых действие ведет Григорий, иной — у Пантелея Прокофьевича, свои — у Аксиньи, Дарьи, Петра Мелехова.

Двуя, а то и одним штрихом «пишет» Ульянов выпуклые, запоминающиеся портреты. И вдруг инструментует серебряными раскатами: «Слежалое сено ударило горячим запахом прели» — все согласные звучат чисто, тревожно, как далекий звук трубы. И новая тема входит музыкально, мягко, почти в виолончельном звучании: «От теплых Аксиньиных волос тек нежный волнующий

запах». В слове прозвучала столь четкая полифония, что только теперь вступивший симфонический оркестр показался рожденным самим шолоховским словом, самим внутренним строем произведения.

Чуть надтреснут голос актера, и губы словно спеклись от жары. И звучат где-то вдали, на просторе степей казацкие трудовые песни. Так решены эпизоды на покосе.

Особый, типично казачий «гик» — в голосе Пантелея Прокофьевича. Распевна речь Дарьи, томная и обволакивающая. Органные мехи — в тихом и страстном голосе Аксиньи: какой-то глубоко скрытый вулкан готовится к извержению и наконец извергается на Пантелея Прокофьевича с буйством истинной стихии: «За всю жисть, за горькую, отлюблю, а там — хоть убейте! Мой Гришка Мой!»

Да и сам рассказчик — дитя тех же стихий. То и дело зажигается он от настроения персонажа или от картины природы. И вдруг прорывается драгоценное, ульяновское — смесь удачи, доброты, лиричности: «Хорошо! Ах, как хорошо-то!»

Обобщенный, мощный по воздействию образ возникает у Шолохова исподволь, из подробностей. Ульянов не пропускает подробностей, умело, мастерски удерживая целостность повествования. Обогащает их, нигде не уходя в иллюстративность постановочного приема, и режиссер.

Работа ансамблевая, дружная, цельная — этот радиоспектакль «Тихий Дон» в исполнении одного актера. Нет сомнения, что он привлечет к радиоприемникам множество слушателей и вызовет самые сердечные отклики. И, хочется думать, выйдет отдельным изданием в грампластинках, чтобы стать таким же постоянным сокровищем в наших домашних фонотеках, каким стали четыре тома бессмертного романа «Тихий Дон» на нашей книжной полке.

Александр КРАВЦОВ